

— Ребятуски, а станционный смотритель вам не требуется?

Александр ВИХРЕВ

Во все времена были люди, которые ели, пили и вообще жили лучше многих других. Как правило, они не теряли рассудок от самодовольства, но зато склонны были впадать в опасное заблуждение: из факта своего личного преуспевания они делали генеральный вывод о крайнем совершенстве всего современного им общества. Вождь первобытного племени, обглаживая самый жирный кусок мамонятины, был убежден, что история человечества раз и навсегда достигла своего апофеоза, так же, как сегодня в этом уверен удачливый биржевой маклер, чокаясь с полкладистой манекенщицей.

Таково это досадное свойство человеческого эгоизма; объяснимое психологией, оно, понятно, не выдерживает ни малейшей проверки логикой.

Некто Георгий Еременко — «квалифицированный рабочий на пенсии», как он сам себя представляет, — живет далеко от Москвы. В некотором смысле еще дальше, чем вы предполагаете, — во Франции. Соответственно Георгий именуется Жоржем; что же до отчества, то, видимо, оно было утеряно заодно с отечеством.

Однако, судя по письму мсье Еременко, присланному к нам в редакцию, он не сожалеет ни о том, ни о другом. Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше, а где лучше, добавляют некоторые свободные от всяких предрассудков люди, там, стало быть, и родной дом. Как именно искал Георгий Еременко, какие тропинки привели его во Францию, он не сообщает, так что и о кривоизне этих тропинок мы ничего не знаем.

Итак, перед нами пространное, откровенное, чуть ли не задушевное письмо. От полноты чувств автор даже озаглавил его «Влюбленный».

Мсье Еременко не будет протестовать, если я назову тон его письма хвастливым. Впрочем, ему и в самом деле есть чем похвалиться. В его доме чуть ли не все удобства, включая ватерклозет, а в саду чуть ли не все ягоды и цветочки, включая «розы, которые цветут под снегом». Все это великолепно достойно осеняется двумя голубыми кипарисами, которые наш образцовый садовод горделиво называет «пределом роскоши».

Любовное перечисление бытовых благ и удобств так распалило мсье Еременко, что он дерзнул бросить перчатку самому апостолу Петру.

«Меня, как грешника, апостол Петр в рай, конечно, не пустит, — храбро иронизирует Еременко. — А я ему скажу: ты, апостол, своим раем не кичься. Дай мне несколько соток земли, и я сделаю себе рай лучше твоего. Когда бог создал рай, тогда не было таких хороших сортов фруктовых деревьев, как теперь, не были выведены такие хорошие цветы, как теперь. Твой рай, апостол Петр, очень устарел. Пережиток прошлого. Живи в нем сам, доживай свой век».

Хотя, конечно, мы и не имеем отчетных данных об урожайности райских кущей, заносчивость Жоржа Еременко кажется чрезмерной. К тому же несколькими строками ниже наш садовод чистосердечно признается: «У меня нет миллионов, которые открывают дверь в рай земной». Но ведь, с другой стороны, и в самом деле ничего не известно о произрастании в царствии небесном голубых кипарисов или тем более о наличии там ватерклозетов. Так что с наивным, хотя и запальчивым самохвальством мсье Еременко можно в конце концов примириться.

Однако Ж. Еременко не останавливается на практической стороне дела. Он прямо от своего кровного сада-огорода, непосредственно, так сказать, от родимой петрушки-сельдерюшки воспаряет к рискованным теоретическим высотам. Он пишет:

«Я сторонник капиталистического развития общества, потому что при капитализме многие живут буржуазной жизнью — самой лучшей, какую знает история человечества. Я влюблен в миллионы и буржуазную жизнь».

Вот знакомая нам логика: если мне хорошо, значит, общество дошло до идеальной точки, до «самой лучшей жизни», и дальше ехать некуда. Так же просто, по-деловому формулирует мсье Еременко и глубинную суть этой «самой лучшей жизни»:

«Кроме пенсии, имею копейку, о которой вам и не снилось. Нужно уметь работать. У нас так: делай, или тебя обделают. Работай, или тебя обрабатывают».

Иначе: если мне удалось выбиться в люди, то все, кто «этажом ниже», хоть пропади пропадом; если мне повезло, то пусть неудачник плачет. Короче, каждый за себя, один против всех, все против каждого.

Правда, о том, кого и как он сам сумел «обделать», Жорж Еременко застенчиво умалчивает. Он не пишет о тех, что, накрывшись рваными газетами, ночуют на скамейках площади Этуаль; он не вспоминает о тех, что, презрев безрелигиозность, роняют в мусорных урнах на задворках Больших бульваров; он не заикается о тех, что, кутаясь в легкие плащи, ледяной ночью стоят в забастовочных пикетах. Я видел в прекрасной Франции этих людей — и, как мне показалось, они почему-то не разделяют пылких чувств Жоржа Еременко к капитализму.

И уже, разумеется, наш зажиточный пенсионер-огородник за версту обходит стороной вопрос о том, почему сотни миллионов трудящихся — в том числе многие миллионы в самой Франции — встают против волчьей философии взаим-

ного пожирания. Может быть, потому, что они не сколотили ту заветную «копейку», которой с утробным кулацким ликованием похвалится Ж. Еременко? И, стало быть, потому, что все они не «умеют работать»?

Впрочем, спорить с мсье Еременко было бы не менее бесполезно, чем с его дражайшими голубыми кипарисами. К тому же свой мадригал капитализму он написал не просто так, не только от пенсионерской скуки, а с культурно-просветительной целью — в назидание всем авторам и сотрудникам «Крокодила».

Дело в том, что Ж. Еременко с недавнего времени является подписчиком нашего журнала. И в качестве такового исправно и дотошно его изучает. «Мне доставляет удовольствие читать «Крокодил», — охотно сознается он. — Жаль, что не подписался на него раньше».

Судя по письму мсье Еременко, он действительно получает от «Крокодила» свою порцию удовольствия.

Из журнала он с большим удовольствием узнаёт, что на его бывшей родине еще не все в порядке: встречаются трудности, случаются ошибки, имеются недостатки. Он с наслаждением вылавливает сведения о прорехах и изъянах и лакомятся ими с не меньшим аппетитом, чем своей приусадебной мирабеллю. Он не скупится на лестные комплименты «господам корреспондентам», которые «хорошо и правдиво» пишут об этих трудностях, ошибках, недостатках.

Что ж, спасибо бы ему на добром слове, если б оно было действительно добрым. Если б не сочинилось письмо мсье Еременко: явным злорадством по любому поводу, если бы его сочувствия не были насквозь приторны, похвалы — грубо фальшивы, «добрые советы» — нагло лицемерны.

«В буржуазном мире лучше, много лучше, — горжествующе заканчивает свое сердечное послание мсье Еременко. — И есть тут квас, но не для вас».

Насчет кваса — это прямо наповал. Как мы все, дочитав письмо, не повалились ниц в припадке зависти и раболепия перед буржуазным миром, до сих пор понять невозможно!

Но пора уже и распрощаться с бывшим Георгием. И, ладно, давайте уж наконец хоть немного ему позавидуем. Пойдем, так сказать, навстречу. Да и отчего бы не позавидовать? Сидит вот сейчас Жорж Еременко промежду своих голубых кипарисов в кресле-качалке, обозревает бытовые подробности своего крепкого хозяйства и предается мечте... А грезит он, как мы уже заметили, о том, чтобы мгновение остановилось, история притормозилась и «самая лучшая буржуазная жизнь» пребывала во веки веков, ныне и присно...

Ну, даже не мечта, а сладкий, упоительный и, главное, несбыточный сон!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Вл. ПАНКОВ

Дело было на собрании. Докладчик говорил о чуткости, о том, что заботиться надо о каждом человеке, о каждой живой душе.

Я так от этих слов расчувствовался, так меня растрогало, что слезы, понимаете ли, навернулись, и в горле стало першить.

Да так першить, что не выдержал я и громко, на все собрание, раскашлялся. Кашляю и чувствую, не могу остановиться.

Все повернулись в мою сторону, доклад застопорился, а я не могу угомониться: кашляю, как проклятый... Прямо досадно.

Тогда докладчик прерывает свой интересный, обстоятельный, захватывающий доклад, спускается с трибуны и... р-раз меня по спине. То есть в прямом смысле бьет. Правда, совсем не больно.

Кашель у меня тут же как рукой снимает. Сажу, улыбаюсь. Аплодисменты пошли. Докладчик стоит, кланяется. Я тоже вскочил, кланяюсь. Как в цирке. Укротитель и вроде бы укрощенный.

Тогда я в порыве чувств прошу слова, беру слово и вскакиваю на трибуну.

— Как, — говорю, — все-таки приятно, когда тебя бьют, проявляя при этом заботу!

В зале овация. Докладчик кланяется. А у меня снова начинается от нахлынувших чувств в горле першить. Докладчик снова разворачивается и... под аплодисменты переполненного зала лупит меня что есть силы по спине. Я улыбаюсь. Зал клоочет. У меня першит. Докладчик бьет, я улыбаюсь, зал аплодирует... И вот мы все уже собственными глазами видим, как рождается новое начинание. Публика начинает похло-

пывать друг друга по плечу, всячески проявляя при этом пока только дружеские чувства. Радость первооткрывания охватывает всех. Все встают. Над залом гремит гимн чуткости и заботе.

Но у всякой чуткости, извините, есть свои пределы. Публика уже и ладошки себе отбила, докладчик, как от тяжелой работы, пот со лба вытирает, а у меня, простите, все першит и першит...

Тут докладчик в последний раз разворачивается и, забыв о чуткости, дает мне такого леща, что я перехожу в партер, то есть на четвереньки. А в ушах звон, голоса... Это меня, понятно, задевает. Я встаю, сразу перестаю кашлять и иду прямоком на докладчика. Зал замирает. Всем ясно, что я собираюсь сделать. И я делаю это. Притихший докладчик валится передо мной на пол и шепчет:

— Господи, уж и чуткость проявить нельзя...

Вот видите, что получилось?.. Я же говорил, что всякое хорошее начинание хорошо до известного предела. Так не послушались...

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

Сегодня к обеду Григорий Петрович стал непохож на себя.

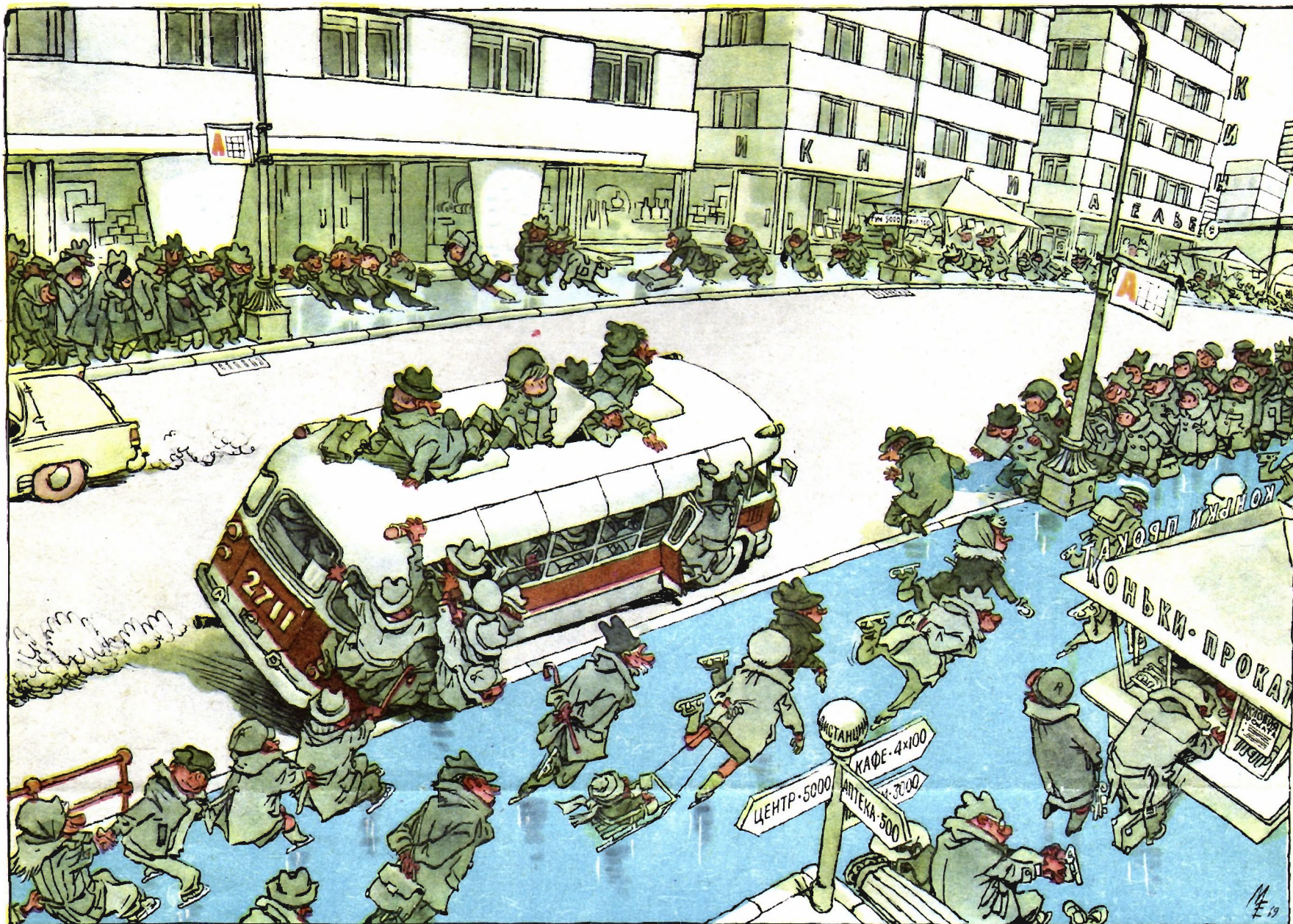
Обычно опущенные, мягкоокруглые плечи распрямились, а потухшие глаза заблестели.

— Вы знаете, — восторженно шептал он сослуживцу, — я наконец решился, сказал-таки ему все, что думаю!

— Кому?

— Управляющему нашему. Только он собрался на меня разораться, я так прямо ему и заявил: как вы смеете? Хамить больше вам не позволю! И, не дав ему опомниться, удалился. Ну? Что вы на это скажете? Здорово я его, а? Сам не ожидал. Вот как!

ПОКУПАЙТЕ КОНЫКИ!

И, гордый, счастливый, Григорий Петрович пошел широким, торжествующим шагом по коридору, то и дело останавливая сослуживцев:

— Ну, вы уже слышали? Вам уже передали? Я сразу ему заявил: не смею больше так со мной разговаривать! Безобразничать не позволю! Выпалил буквально в лицо и ушел. Не знаю, что уж там с ним было...

Через час-полтора чуть ли не весь трест знал о необычном, смелом поступке Григория Петровича. К нему подходили, рассматривали с удивлением, пожимали руку, а он раскрепощенно сиял, радостно повторяя:

— Как я его, а? Теперь не работать мне здесь, ну да черт с ним! Зато как я его, а?

После обеда главный инженер, зайдя к управляющему, в разговоре как бы между делом спросил:

— Да, кстати, что у тебя произошло с Григорием Петровичем?

— С Григорием Петровичем? А что? Не помню.

— Ну как же... Ведь он заходил к тебе. И будто бы наговорил тут всякого...

Управляющий трестом наморщил лоб, мучительно припоминая.

— Хм... кажется, он действительно заглядывал. Пробормотал что-то и выскочил. Я даже, откровенно говоря, не расслышал.

С. КОМИССАРЕНКО

КАК ЗДОРОВЬЕ?

Звонят мне на участок из месткома:

— Кто у телефона?

— Тучкин.

— Узнаю по голосу лучшего слесаря!

— Сварщик я...

— Ну да...

— И не лучший...

— Да ну? Поделом, значит, выговор вам недавно вкатили!

— Благодарность!

— Ну да... Значит, молодчина, хоть и недавно работаешь у нас!

— Давно!

— Одним словом, ты мне как раз и нужен! У меня вот какой вопрос к тебе, Тучкин: как здоровье?

— Что?

— Здоровье, спрашиваю, как? Самочувствие?

— Да так, удовлетворительное. А что?

— Желаю тебе, Тучкин, хорошего здоровья!

«Чего это он?» — подумалось, и вдруг вспомнил: «Это же насчет путевки в дом отдыха. Давно подавал заявление. Видимо, решили наконец дать!»

Спустя час снова звонок из месткома:

— Зампредседателя у телефона.

— Тучкин слушает.

— Ну, как она, быстротекущая?

— Жизнь, что ли? Уж слишком быстро проходит, товарищ зампредседателя!

— Увы, неподвластно местному. Как говорится, мы стареем, зато они подрастают. Детки то есть.

— У меня, знаете ли, еще совсем маленький.

— Ну вот, тем более... Пусть у тебя счастье будет, Тучкин, в личной жизни!

«Ну,— думаю,— это насчет яслей! Давно уже добиваюсь, чтобы Сережку устроить...»

Спустя еще час проезжает мимо участка сам председатель месткома. Кричит мне с машины:

— Здоровья! Счастья в личной жизни!

Тут не выдержал я, отпросился у начальника и скорее в местком. А там уже человек тридцать! И тоже... Одни насчет яслей, другие — в дома отдыха, третьи — еще про что-то выясняют...

— Что вы, что вы! — замахала руками секретарша. — Просто критиковали недавно наш местком за то, что плохо связан с массами, не интересуется их жизнью. Вот и решили люди проявить интерес. А вы сразу со своими яслями!..

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО БАРАШКА

Черный даул, степной ураган, промчался, разбросав камни. И тогда чабан Байганинского животноводческого совхоза Тажен Шалиев отобрал для сдачи тысячу упитанных баранов и овец. Отара с шумом выкатилась в степь и взяла курс на филиал Актюбинского мясокомбината.

Через 23 дня, одолев 300 километров степи, барашек усталился на незнакомые ворота и весело закричал: «Бэ-э-э!»

На шум вышел приемщик скота Жумагалиев.

— Мал жан аман, Сагидула! — вежливо обратился к нему чабан. — Принимай шашлык в шубе. Нежный, жирный, сочный.

— Аман. Но где же твой шашлык? Я вижу такую докторскую колбасу.

— Ты, наверное, шутишь, Сагидула, — с тревогой возразил чабан. — Или не видишь, какие у них курдюки?

Пышные курдюки и упитанные ляжки пригнанных барашков могли бы соблазнить и Лукулла. Но Жумагалиев соглашался принять только пятую часть отары.

— Остальные некондиционные, клянусь пророком, — уверял он.

На мясокомбинатах существует жесткое, как козлиное копыто, правило: принимать лишь скот высшей и средней упитанности. А в Актюбинском комбинате и его филиале, где приемщиком Жумагалиев, сложилась твердая, как бараний рог, традиция: всемерно занижать упитанность. Тажен Шалиев это прекрасно знал. Поэтому он уложил отару на покой, надеясь взять приемщика измором.

Но на другой день Сагидула артачился по-прежнему. На третий — тоже. Время шло. Кормов не было. Бараны голодали. А приемщик не сдавался. На десятый день он, нахально улыбаясь, сказал:

— Послушай, неразумный чабан, о чем ты думаешь? Не о том ли, что тебе удастся взять надо мною верх?

— Я думаю, — ответил чабан Шалиев, — про Жумалы Катпаева и еще про дядю Ваню Теляева...

При этих словах приемщик вздрогнул. Он вспомнил эту историю.

...Предшественник Жумагалиева, бывший приемщик Жумалы Катпаев и товаровед откормсовхоза Актюбинского треста «Заготскотооткорм» дядя Ваня Теляев ухитрились драть с одного барана по семь шкур.

Катпаев разработал специальную шкалу жульничества. Он баранов высшей упитанности принимал как среднеупитанных, а среднеупитанных причислял к некондиционным. Последних, как и полагалось, чабан животноводческого совхоза был вынужден сдавать «на хлеба» в откормсовхоз. А откормщик дядя Ваня и не думал откармливать этого мнимонекондиционного. Дядя Ваня тут же гнал его назад, к Катпаеву.

Теперь, якобы откормившись, баран становился кондиционным. А за «питание» откормсовхоз получал по 15 рублей с тонны. Животноводы терпели убытки, а махинаторы наживались. Правда, эти операции кончились для жуликов плохо: небом в крупную клетку.

Вот почему вздрогнул Жумагалиев. Он вспомнил конец этой истории. А вспомнив, принял почти всю отару Байганинского совхоза.

И — о чудо! Несмотря на десятидневный голод и страдания, бараны Шалиева еще не утратили кондиционности. Какковы же они были до встречи с Жумагалиевым!

Трудно, ох, как трудно сдать барана! Чего только не выдумает приемщик, стараясь сбить барашку цену, представить тучного, жирного тощим заморышем.

По тем же жестким мясокомбинатовским правилам принимать прибывшую скотину полагается в течение трех часов, дабы она не потеряла в весе. Но лишь на пятый день, и то после жестокого словесного боя, смогли сдать свои отары чабаны уже другого, Актюбинского совхоза. И до того устали эти чабаны, что присели отдохнуть у проходной.

И тут они, между прочим, стали свидетелями одного чудесного превращения, происшедшего с труженником утильщика Сисенгалы Кенжегалиевым. Он шел с комбината домой мимо отдыхающих чабанов.

— О аллах! — вскричал самый старший из чабанов. — Ты поистине всемогущ! Еще утром этот джигит был строен, как кипарис. А за день он раздулся, точно бочка на девяносто ведер кумыса.

А Сисенгалы разбух по простой причине: у него под пальто были спрятаны 31 килограмм курдюка и хороший кус баранины. Вместе с ним уносили под пальто в общей сложности полтора центнера мяса еще несколько скотобойцев. Они шли в таком виде мимо охраны, а охрана осматривала лишь наиболее раздувшихся. На всех не хватало рук. Поэтому тащившие на животах и талиях по 2—3 кило проходили беспрепятственно.

При таком бесшабашном воровстве комбинат должен терять ежемесячно не менее двух тонн мяса. Но никаких вычетов не наблюдалось: выручали приемщики, бессовестно занижающие кондиционность принимаемых отар.

Бывало, что чабан, не желая мириться с произволом приемщиков, обращается в родное облсельхозуправление и просит прислать на помощь уполномоченного по заготовке скота В. В. Лупоносова.

Уполномоченный, получив команду идти, бледнеет: затем дрожащими руками берет портфель и, спотыкаясь, плетется, оглядываясь по сторонам.

Откуда бы такой страх? А вот откуда.

Однажды трое удачных мясорубов прижали уполномоченного к мясокомбинатскому забору и, поиграв перед ним тѣжелыми палашами, предупредили:

— Жена, дети есть? Тогда сюда не бегай. заготовляй скотину в управлении. А то мы немножко близоруки, можем спутать тебя с барашком.

Учитывая все эти обстоятельства, облисполком принял решение: сдавать всех мелкокоротых только через откормсовхоз.

Последний был безмерно рад. Ведь животноводы гнали на заклание кондиционных баранов. А откормщики должны были принимать на «усилительное питание» заморышей. В общем, на практике решение облисполкома выглядело так:

Нуринский животноводческий совхоз пригнал на сдачу в откормсовхоз отару в 11 тысяч голов. Откормщики, не затратив на нее ни клочка сена, повернули отару напрямик на мясокомбинат. Нуринский чабан сдавал, тот же Жумагалиев принимал, а товаровед-откормщик, слюнявя химкарандаш, весело выписывал прямо-сдаточные квитанции.

Еще бы не веселиться! Без всяких затрат, исключительно за выписку квитанций откормщики получали с каждой тонны мяса по 15 рублей. Да еще — спасибо облисполкому! — лихо ковали свой план по сдаче мяса государству. Ну, а Сагидула Жумагалиев в такой благоприятной обстановке легко и радостно занижал упитанность.

Но вот чабаны Оймаутского совхоза не пожелали играть такую комедию. Пять дней и ночей в лютый мороз стояли у ворот откормсовхоза чабаны и с ними 8 тысяч кондиционнейших баранов. Но откормщики их начисто игнорировали и не желали принимать:

— Гоните на мясокомбинат!

Чабаны в конце концов не выдержали. Сняли осаду и повели на мясокомбинат. Около двухсот баранов не дошли: пали от холода и голода. Свыше тридцати тысяч рублей потерял на этом Оймаутский совхоз по вине откормсовхоза.

Страшен в степи черный даул. Но его можно переждать. Опасен и любитель молодого барашка каскир — степной волк. Но его можно выследить и убить. Гораздо страшнее и опаснее скотское отношение к чабану и барану.

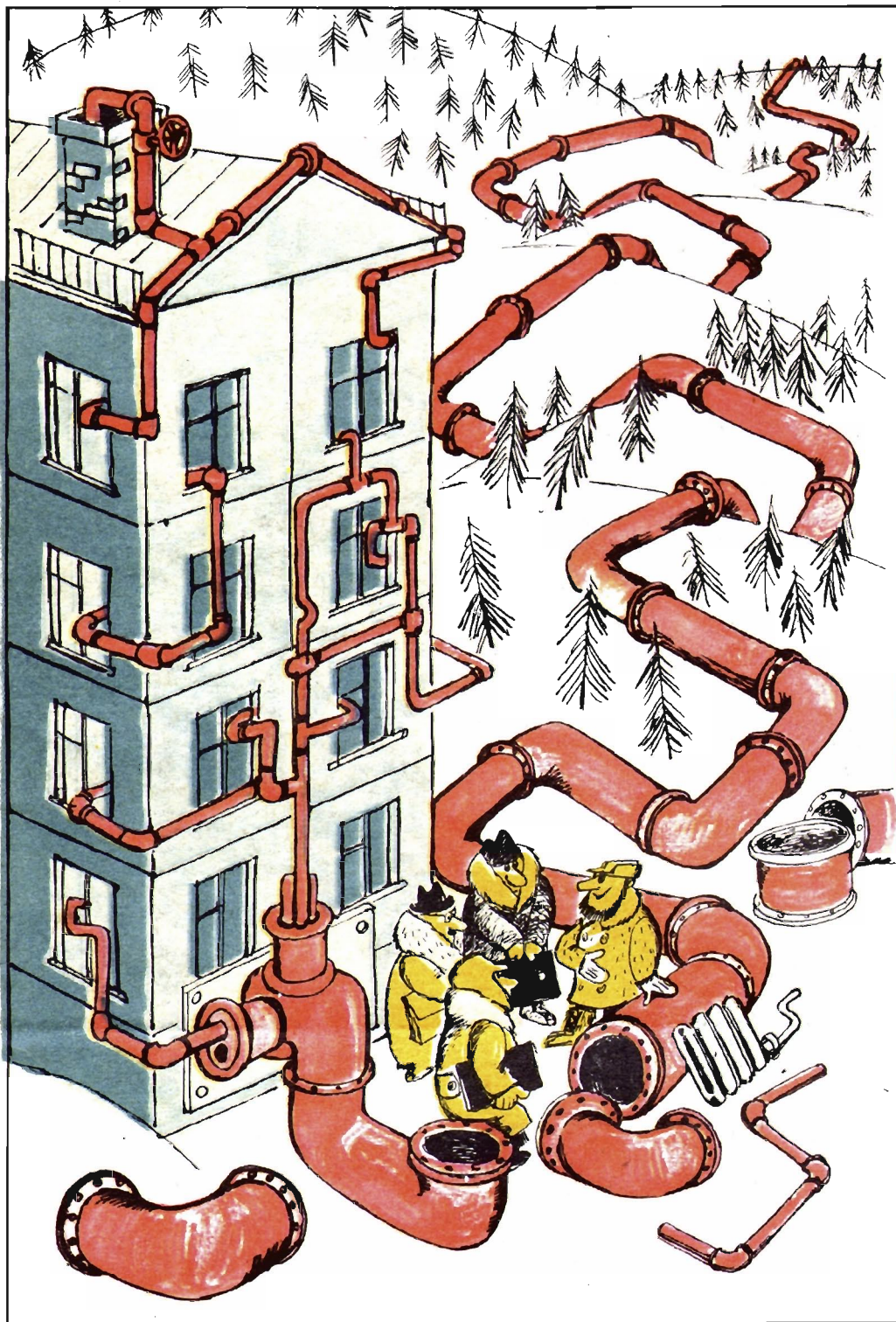
Его не переждешь и не убьешь из дробовика.

Актюбинская область.

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА

— Это наша новая система отопления:
гоним теплый воздух прямо из Сухуми!

Рисунок
Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

*В день юбилея даже
сатану уверяют в том,
что он ангел.*

М. КРУТИК

*Обещай, но помни,
что тебе тоже могут по-
обещать.*

А. ВОРОБЬЕВ

*Ребенку дали пустыш-
ку. Так состоялась пер-
вая встреча с неправ-
дой.*

В. ГОЛОБОРОДЬКО

*Каждый делает в жиз-
ни какую-нибудь глу-
пость, только один —
лично, а другой пору-
чает исполнение под-
чиненному.*

В. БРУДЗИНСКИЙ

Михаил ХОНИНОВ

Два друга

Однажды в субботу, а может быть, в среду
Два друга вели возле рынка беседу:
«Здорово!» «Здорово!» «Ну, как поживаешь?»
«Чего ж ты, дружище, меня забываешь?»

И тот, что был справа, тому, что был слева,
Сказал: «Вот корова вчера околела...
И сам я дышу после гриппа на ладан...
А так, слава богу, все миром да ладом...»

Но тот, что был слева, тому, что был справа.
Сказал: «Помирать не имеешь ты права!
Подумай о детях! Что будет с женою?
Я стал бы и сам без тебя сиротой.»

И тот, что был справа, сказал со слезами:
«Давай же простимся, мы были друзьями.
Скажи на прощанье, придешь ли, мой милый,
Чтоб друга оплакать над свежей могилой?»

И тот, что был слева, сказал сквозь рыданье:
«Я выбью на камне твоё изваянье!
Украшу могилу твою, как усадьбу,
И справлю поминки щедрее, чем свадьбу!»

Так плакали оба. И тот, что был справа,
Сказал: «Без меня вы гульнете на славу.
Я знаю, мой милый, что сдержишь ты слово.
Но лучше б помог — дал взаймы на корову.»

И тот, что был слева, затопал от гнева,
Он бил по бокам себя — тот, что был слева,
Он взвизгнул: «Да где я возьму тебе денег?
Да чтоб ты подох, негодяй и бездельник!»

Смеялись торговцы на маленьком рынке,
Орали верблюды, и звякали крынки.
— Вот это друзья! — хохотали торговцы.
И звякали крынки: — Вот это поминки!

Перевел с калмыцкого Ю. КУШАК.

Самиг АБДУКАХХАР

Цель и средство

Надоело Эшмамату!
День за днем, от года к году —
Счетоводская зарплата
И работа счетовода.
Он одной мечтою дышит:
Укрепиться бы на месте,
Где зарплата вдвое выше,
А работы вдвое меньше!
Как же быть, придумать что же?
Кто подскажет, что поможет?..
Но однажды (все на свете
Совершается однажды)
Эшмамат в пивнушке встретил
Утоляющего жажду
Замдиректорского брата
Подхалима Кулмамата.
Заказали, повторили,
По душам поговорили.
Эшмамат сказал: — Ваш братец —
Наше счастье и опора.
Без него, клянусь, на части
Развалилась бы контора.
Что контора?! Даже в тресте
Все пошло бы косо, криво...
Девушка! Еще по двести
И еще четыре пива!..
Так, стремясь к заветной цели,
Слов и денег не жалел он.
И не зря! В конце недели
Был назначен зав. отделом.
И теперь (спасибо братцу!)
Стал он жить почти вельможно.

Если с толком постараться,
То и снег зажечь возможно.

Перевел с узбекского Г. КЕММЕЛЬ.

Автор, скрывшийся под псевдонимом «Ч. П.», поместил в «Крокодиле» фельетон под заголовком «Не стой под стрелой!».

Суть дела: Дрогобычский завод производит подъемные автокраны. Но... «при морозах за тридцать,— уточнял мелким шрифтом Дрогобыч,— кран не включать». Не из той, мол, стали состоит механизм, может не выдержать.

Получил кран из Дрогобыча Ижевский мебельный комбинат. Пошли регистрировать кран.

— Нет,— ошарашили в Пермском Госгортехнадзоре (Ижевск — это его сфера влияния).— Кран не всепогодный, а потому вовсе запрещаем им пользоваться.

— Так ведь в Ижевске морозов за тридцать — неделя в году. Из-за семи дней весь год крану стоять? Разрешите! — почти на коленях просили мебельщики.— Мы и термометры лабораторные купим! Как увидим — за тридцать, так и не станем кран включать.

— Нет! — ответили комбинатцам.

Тогда возмущенные мебельщики стали писать заявления в министерства, главки, комитеты, ведомства и Госгортехнадзор: издайте, мол, разумный приказ насчет кранов!

Но такой приказ издан не был.

Тогда в «Крокодиле» (№ 28 за прошлый год) и был помещен фельетон «Не стой под стрелой!».

И все благополучно устроилось. Появился заветный приказ Госгортехнадзора при Совете Министров СССР.

Нам пишут, что фельетон обсужден. Что факты полностью и всесоюзно верны. И что проблема решена: во всех республиках теперь есть «добро» насчет уже изготовленных кранов. Их допускают к работе при температуре, указанной в паспортах механизмов.

БЕДНЯГА ПЕЧАТЬ

Александр МОРАЛЕВИЧ

А поскольку на краны Дрогобыча жалуются Урал, Сибирь и Якутия, Дрогобычу запрещен выпуск зябнущих кранов. Назначено выпускать всепогодные, как положено ГОСТом. Подписали такое решение председатель Комитета Госгортехнадзора СССР Л. Мельников и секретарь Комитета Ю. Мещеряков.

Замечательно все разрешилось. И в сжатые сроки. Но мучит вопрос: почему?

Почему ничего не решил Комитет по прибытии первых умоляющих писем с заводов? Почему дождался, пока грянет печать? Неужели газетам и журналам надо всякий раз сообщать главкам и ведомствам прописные истины? Так ведь нет! Даже самые маленькие вопросы затягиваются так, что в их решение нужно вовлекать людей на уровне председателей комитетов при Совете Министров.

И вот еще тому свежее подтверждение.

В солнечной Ялте, сидя перед панорамными окнами в вертящихся креслах, администрация города ждет. Чего ждет? Известно, выступления печати.

Около сотни писем от санатория «Орлиное гнездо» получили горисполком, прокуратура, горжилуправление, милиция и суды города. Письма сообщали о мелком безобразии, положить конец которому вполне могли бы городские власти без помощи прессы.

Один человек, И. Шевцов, работал в «Орлином гнезде». Проработал месяц, получил ведомственную квартиру на территории здравницы и уволился.

И, проживая в санаторной квартире, написал в горисполком: прошу предоставить другое жилище, влачу жизнь в аварийном доме 12/9 по ул. Сеченова с женой и тремя детьми.

Вообще по ул. Сеченова не было дома 12/9. Проситель врал. Вообще у него было двое детей. Третьего он сочинил.

И ему горисполком отвалил квартиру на пятерых, ничего не проверив.

Иван Шевцов отселился ночью, незаконно оставив в прежнем жилище юную Ларису, дочь.

Санаторий подал в суд.

А Иван Шевцов срочно выписал дочери жениха из далекой воинской части. Жених приехал, в три дня провернули всякие формальности. Вскоре был представлен документ о беременности новобрачной. И суд отказал санаторию.

А после суда срочный муж отбыл в часть. Беременность исчезла. А еще затем обнаружилось, что у срочного мужа во Львове квартира — дай бог нам с вами.

Итак, вот вам положение. Человек обжулил все городские власти. Почти год живет в новой квартире, но там не прописан, потому как в ордере значатся пятеро, а паспортов налицо три. Дважды оштрафован милицией за отказ узакониться на новой площади, но ничего, дюжит, борется и в судебном производстве упорно зовет санаторий не «Орлиным гнездом», а «Осиным».

А тем временем квартира юной Ларисы заперта на замок. Где она сама, неизвестно. И тем временем три медицинские сестры, крайне необходимые санаторию, живут на чердаке лечебного корпуса. Им жилплощади нету.

И снова «Орлиное гнездо» обивает пороги инстанций, шлет письма и телеграммы: неужели нет управы на жулика?

И, конечно, везде — в карающих органах, в горисполкоме, горжилуправлении — все видят: да, жулик. Но всем как-то неохота возиться. Пришлое возиться, как видите, все той же прессе.

Так кому в городе Ялте предъявим мы счет за украденный у журнала, а значит, и у миллионов подписчиков большой кусок журнальной жилплощади, занятый вопиющей и нудной фактографией? Разве не могли бы мы на этой площади поместить хороший, смешной рассказ, юмореску, веселые стихи?

Могли бы, могли бы...

— В церковь?
— Нет, в клуб...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Сарынь на кичку!

Моего знакомого грузчика Шихту вызвал директор и велел отвезти раскладушку к нему на дачу. Шихта категорически отказался.

— Жаб, — беззлобно сказал директор. — Краб ты. Хотя, постой, возможно, ты из принципа?

Шихта опять отказался.

— Считаю до тысячи. — Директор вперил в грузчика добрые перламутровые глаза. — Девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять... Впрочем, иди, у тебя еще есть период времени для размышления.

Дома Шихта лег на кушетку и отвернулся к гобелену. Узнав, в чем дело, домашние взволновались, но Шихта заявил, что все равно он не лакей.

— Да ты параноик! — взметнулась жена. — Ты опасный дурак! Я сейчас ухожу от тебя к маме!

Однако Шихта и тут не дрогнул. Через сорок минут прикатила теща. Она простирала к грузчику пухлые руки, и перстни ее были похожи на кастеты.

— Этот синьор, — кричала теща, — этот швейцарский гранд не может отнестись к начальству по-человечески!.

Ночью привезли дядю — Альберта Лукича. Лукич долго дышал у кушетки, потом сказал:

— Все имеет свои плюсы и свои минусы. Чем ты думаешь кормить твоих детей? И почему нельзя морально пойти по линии дружеской поддержки?..

Утром Шихта прибежал посоветоваться, как, мол, ему быть в этическом аспекте.

— Друзе Шихта, — отвечал я. — Все зависит от взгляда на вещи. При желании любой подхалимаж можно так морально закамуфлировать, что пальчики оближешь! Послушай, какую историю мне рассказали в Херсоне.

* * *

Евгений Алексеевич Кошелев, директор Херсонского рыбокомбината, взошел на пригорок и осматрел окрестность.

Днепр не был чуден, так как не было тихой погоды. С лимана налетел бейдевинд — такой морской ветер. Он поднимал волну у кошелевского участка, хотя на середине Днепр более или менее волно и плавно мчал на своих водах к Херсону всякую дребедень — прутики, ящик и даже доску с чьим-то выжженным сердцем, напоминавшим лавровый лист.

Директор вытер с бровей надднiproньские брызги и хозяйственно подумал, что много, однако, гибнет вот так материалу ни за грош.

Затем Кошелев посмотрел влево, где скрипело на волне вверенное ему судно «Скат». Потом вправо. Там, на его дачном участке, в четыре лопаты поспешала команда «Ската». Бригада поднимала целину под огород директора. Рядом с будущим огородом надлежало вырасти будущей директорской даче. Сам же капитан «Ската», шкипер А. Холмов, следовал за начальством и также обозревал днепровскую акваторию. Директор потянул носом отлично ионизированный пиратский ветер.

— Сарынь на кичку, — застенчиво сказал Кошелев и повел плечом.

— Вы учтите, — строго отозвался А. Холмов, — все, что происходит на данном участке, осуществляется в порядке дружеского содействия в отношении вас. А может, вы полагаете как по-иному? Тогда скажите.

— Что ты, Александрович! — восторженно воскликнул директор. — Ясное дело: человек человеку... Кстати, не кажется ли и тебе, что у моего берега мелко? Фарватер паршивый. Суда с материалом для строительства дачи подойти смогут ли? Тут, я считаю, канал надо прорыть, используя, как рефулер, транспортное судно «Зюйд». Оно хоть и не рефулер, нет у него специального устройства для копания, но ведь можно рыть и винтом. А?

— Можно-то можно, — нахмурился А. Холмов, — да вдруг вы подумаете, что это — использование гостехники в приватной сфере? Вы смотрите у нас, Евгений Алексеевич...

— Ты что, Александрович, — вконец оробел директор, — я разве купчик или другой какой мелкобуржуазный хозяйчик? Восприму в виде оказания помощи от подведомственного персонала...

— То-то же, — на всякий случай еще строже молвил Холмов и пошел доглядеть за экипажем.

Вечером, посадив кое-какие огородные культуры, команда погрузилась в судно, и «Скат» взял курс на Херсон. Солнце сваливалось с клотика в лиманный студень. В херсонских скверах веселые

бабки катали суровых младенцев. Бейдевинд переходил в другой морской ветер — фордевинд...

На следующий день вверх по Днепру от Херсона двинулось судно «Зюйд». Вплыв в территориальные директорские воды и причалив кормой к берегу, оно немедленно стало копать винтом канал, создавая надлежащий фарватер. Момент был столь ответственный, что директор сам прибыл к месту производства работ.

Под сверхнагрузкой натужно завывал пятидесятилитровый зюйдский мотор, и ядовитые синие выхлопы портили пейзаж.

Директору икалось. Он думал, что это его вспоминает народный контроль, и аврально хватался за карман, где хранились строительные накладные со словом «уплочено»... Нет, директора поминал не контроль. Сам председатель группы контроля механик рыбокомбината Леня Ходоровский лично воздвигал директорский причал, хитроумно используя для этой цели казенные трапы...

А поминал директора механик Пихуля, таскавший, как говорится, «на горбу» по недостроенному причалу различные материалы для дачи.

— Я не холуй и не шестерка! — вызывающе шумел на бегу Пихуля, сгибаясь под материалом. — Нехай бы он себе сам таскал...

Тут он рухнул в канал с ядерным всплеском. Вылезши из воды, синий, облепленный водорослью, механик накинута на начальство.

— Или, вы думаете, я подхалим, да? — Пихуля дрожа пытался раскурить рыжий сигаретный окурочок. — Тогда так и поставьте в известность!

— Пихуля! — кричал Кошелев, деликатно оттесняя ладошками мокрого механика. — Ты ли это, Пихуля? Я же тебя просто не узнаю! Все ж знают твое золотое сердце, Пихуля! Что ты не откажешь человеку...

Не отказал человеку и весь комбинат. После сооружения причала для генерального подвоза стройгрузов была мобилизована рыболовецкая флотилия в составе следующих водоизмещений: «Партизан», «Скат», «Литак», «Зюйд». Армада, груженная инвентарем, готовилась к походу на дачу.

— Флаг и гюйс поднять! — командовали капитаны Холмов, Фирса, Трегуб и Егоров. — По местам стоять, с якорей сниматься. Подвахтенные — вниз!

По поднятному госфлагу двинулись на Львово, норд-норд-вест, курсом на кошелевскую обитель. Штормово дымя, флотилия входила в Днепр. Директорское лицо оведал такой очень сильный морской ветер — норд-ост. В свисте ветра слышалось нечто страстное, удалое, но Кошелев трезво подумал, что все-таки сил одной флотилии маловато. Он сбегал с полубака и вышел по рации в эфир. Из ящика долго сыпалась морзяночная чететка и чуждая фокстротная лабуда, но Кошелев поймал-таки голос председателя зависимого рыбоколхоза «Победа».

— Иванушка! — воззвал директор. — Шли парусник в подкрепление! Одним разом не могу все перевезти... И сарынь на кичку!

— Чего? — не понимал председатель. — Чего, кроме парусника?..

Кошелев устыдился. В самом деле, было в этой «сарыни» нечто не стенько-разинское, не освободительное, а скорее даже разбойничье. Тем не менее вскорости забелели бом-брам-реи поспешавшей на подмогу колхозной бригантини.

Вечером же назрел конфликт. Капитаны морской походкой пришли в кабинет. Атмосфера была насыщена, как если бы каждый пришедший принес под бушлатом по электрическому скату.

— Мы окончательно заявляем, — сказал самый неразговорчивый капитан. — Вы нас за лакеев и лизоблюдов не считайте. Работаем для вашей дачи в служебное время, а не в свободное. Факт?

— Факт, — подтвердил струсивший Кошелев. — И я по-человечески, от души признателен вам за помощь. Что касается оплаты — и в зачете по табелю, и так, наличными, — не сомневайтесь...

— Ну-ну, годится! — удовлетворились капитаны и ушли в ночь, полыхавшую тревожным южным фосфором.

Директору не спалось. Ему мнилось, какая-то грядущая катастрофа, и таковая в подлинности произошла. У судна «Зюйд», того, что варварски рыл канал, сломался винт. Не выдержал, паразит! Бездушный механизм не выдюжил. Благо, люди из своего ремонтного цеха вникли по-человечески и поставили новый. Увы, опять тррах... Песок заполнил втулки бесчувственного вала и разбил его, гниду. Правда, люди снова вникли и дали ремонт, хоть и влетело это в немалую госкопейку...

А так все в целом шло хорошо, по-товарищески. Рыбокомбинатская бригада каменщиков (оторвавшись от работы на благо отечества) в поте лица помогла директору, ставя стены его дачи. Тонкий умелец-плотник Сироклин, возглавляя дружинку богатырей с комбината, оказывал поддержку по линии крыши, наличников и косяков...

Глядь-поглядь, благодаря дружескому энтузиазму сотрудников и с самыми минимальными затратами для директора был выстроен дом в приднепровских окрестностях Херсона...

Вот какую поучительную историю пересказал я Шихте.

* * *

Вчера я встретил Шихту. Он прогуливал огромного директорского боксера. Это отвратительно ласковое животное то и дело лезло к грузчику целоваться.

— Фу! — отплеивался Шихта. — Помогаю вот... Позор, конечно, но родня зарызла. Фу же!..

В обед к ним приходит младший грузчик с двойной фамилией — Елин-Палкин. Глядя на его преданное улыбающееся лицо, Шихта думает, что, наверное, обезьяна произошла от человека, а не наоборот. Он дает Елину мелочь, а тот идет за бутербродами для собаки. Считается, будто Елин по-дружески подсобляет Шихте, но в глубине души оба знают, что они моллюски.

г. Херсон.

СКАЗКИ ДАЛЬНОГО ЛЕСА

В Семилуках — городе Воронежской области — всюду строят. Но, к сожалению, не везде достраивают. Потому что черные здесь, степь. Нет леса.

И вдруг местный лесстройторг получил радостную весть — бумагу из Управления снабжения и сбыта Архангельского облисполкома:

«Вам выделены лесоматериалы со сдачей на месте».
— Спасибо и на этом! Сами приедем, заберем! — на радостях закричали было семилукацы. Но поперхнулись... С ледяной бесстрастностью архангельцы уточнили:
«Лесоматериалы могут быть отпущены только в глубинных районах области, откуда вывоз за пределы района и области невозможен».

— Это же обман! Очковгитарельство! — крикнули возмущенные обладатели безлесного наряда.
А по-нашему, напрасно возмущаются в Семилуках. Архангельские сбытовики нашли весьма увлекательный способ без труда выполнять любые задания по поставке леса. Не лесом, а извещениями: дескать, берите лес там, где взять не удастся.
И расхода-то у них самый пустяк: на листик бумаги!

Б. К.

**Владимир ЛИФШИЦ
КОНДИТЕРЫ И ЛИРИКИ**

В московском магазине «Кулинария» на проспекте Калинина продаются «есенинские» пирожные.

Обращение к старым темам
Не поставят нам на вид...
— Мне «есенинское», с кремом! —

Покупатель говорит.
Представляете?
За чаем
Мы кого-то угощаем:
— Вам печенье
Или джем?
— Я... «есенинское» съем!
На пирожное на это
Глядя, мыслю:
«Почему

Имя славного поэта
Ты, кондитер, дал ему?
Может быть, певец печальный
Зорь, закатов и берез
Сам — порой своей начальной —
Этот крем любил до слез?..
Или найдено возможным,
Удалясь под сень стрехи,
Прочитав,
Таким пирожным
Заедать его стихи?..
Кто
Тот друг
Стихов и сдобы?
Поглядеть бы на него бы!
Кто названье обсуждал?
Кто названье утверждал?..
Чтобы это подытожить,
Я сказал бы: кто умен,
Тот не станет зря тревожить
Поэтических имени».

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Поговорим, граждане, о театре. Точнее о Сумском областном музыкально-драматическом театре.

Наверное, это очень хороший театр, если в городе Бурыни все взрослое население чуть было не перессорилось из-за билетов на его спектакль «Варшавская мелодия».

Во Дворец культуры попали только прощеры да передовики труда, получившие билеты через профсоюз. 500 человек было публики.
Собрались они еще до объявленных в афишах семи часов вечера и сначала, как водится, вели праздные разговоры. Потом в полувзрослом населении чуть было не перессорилось из-за билетов на его спектакль «Варшавская мелодия».

рону формализма. Поэтому они съезжают в Сумы за декорациями, а через три дня вернутся и сыграют еще вдохновеннее, чем собирались сегодня.
Через три дня бурыницы, забыв про обиду, снова расселись по своим пятистам местам. На этот раз с декорациями все было в порядке. Слышно было, как за занавесом бесцеремонно обращаются с фанерой.
Потом была тишина — такая, как перед начинающимся действием.

А потом... а авансцену вышел человек — другой, но тоже с неотрицательным типом лица.
И человек этот объявил, что, по странному стечению обстоятельств, кто-то забыл захватить из Сум декораций не те привезли. По странному стечению обстоятельств, вместо декораций и «Варшавской мелодии» привезли декорации и «Марьяне».

А вообще-то, наверное, это очень хороший театр.
П. МАШКИН

— Это все, что осталось от плота?

Рисунок И. СЕМЕНОВА

БЕЗ ОГОНЬКА

С прохладцей можно работать где угодно. Например, стоматологического института окружают своего плохозубого пациента не большим теплом и заботой, чем, скажем, врачи Голуметской поликлиники из Иркутской области. То есть работа в общем-то имеется, а вот тепла — никакого. Ибо нет в тамошних системах отопления нужной народу калорийности. У самих врачей зуб на зуб не попадает.

А вот здравствдела от этого пока что ни тепло, ни холодно. И эти сообщения хочется одинаково заинтересовать местные исполкомы. И там и там.
Заинтересованности хотелось бы горячей.
Е. М.

МАКСИ-ЕЛКА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Как, по-вашему, где предполагалось устроить самую большую исвогднюю елку? Ни за что не угадаете. Самая большая елка была намечена на станции Ховрино. Так хотелось железнодорожникам. А чтобы украсить ее подбавшим образом, они придерживались на своей станции 74 ящика елочных игрушек, отправленных Круговской фабрикой в адрес базы Мосторга. В этих ящиках

были всякие бусы, шары, звезды и даже Аленка с козленком.
Ах, как это было бы прекрасно! Вокруг душистой-пушистой елки резво скакали бы стрелочки, смазчики, башмачники и товарные кассиры, хлопают в ладоши и прилевая:
— Елочка, елочка, как мы тебя любим!..
Но, увы, макс-елка не состоялась. Прибыли злые дяди из Мосторга и расшумелись:
— Что такое, почему восемьдесят километров — от Круговской фабрики до Москвы — игрушки едут больше месяца! Немедленно отправляйте их в столицу! Их детшки ждут!
Пришлось скрепя сердце отослать ящики. Правда, в Москву игрушки попали уже после Нового года. Как говорится, ни нам, ни вам.
Е. Ц.

ВСЕ ЛИ ТЕЧЕТ!

Это, конечно, истина: «Все течет, все изменяется». Доказательством ее служит то, что она сама изменилась.

В городе Троицке, Челябинской области, на верхних этажах жилых домов вода из кранов не течет. И чтобы вода текла, строительное управление «Троиципстрой» решило протнуть трубопровода, соединяющий насосную станцию с новым резервуаром.
Но не успели вырыть траншею, как настали осенние холода и пришлось забросать ее землей.
И вошло в традицию: весной траншею разрывали, осенью — засыпали. Там трудились три года. Это позволяет нам несильно дополнить вышеприведенное изречение:
«Все течет, кроме воды в некоторых домах; все изменяется, кроме того, что вода так и не течет».
В. С.

ОБСТРУКЦИЯ ЧЕРЕЗ ДЕСТРУКЦИЮ

Я отдал новый белоснежный отрез ткани для перекраски в цвет морской волны. Отдал в приемный пункт № 7 Одесской фабрики «Химчистка».

«Уважаемый тов. Степанченко! Ваш отрез окрашивался согласно технологии, в ослабленных местах ткань получила деструкцию. Винны фабрики нет, просим забрать отрез в пункте № 7».

Возможно, что в те дни на фабрике авралило и штормило, только волна получилась слишком бурной: отрез превратился в какое-то решето.
Я сказал приемщице напрямки: — Посмотрите, здесь же семь маленьких дыр и одна большая! — А что, вас больше бы устроило, если было бы семь больших и одна маленькая!
Она еще шутит! Я повысил голос. Тогда мне было сказано: — Идите на фабрику. Там ула...

И. о. директора Фабрики А. Букерман.
Так я лишился отреза, зато обогатился новым для себя словом, значение которого, правда, в толковом словаре отыскать не смог.
До чего же бестолковы эти толковые словари!
А. СТЕПАНЧЕНКО
г. Одесса.

Короче говоря, вместо нового отреза или компенсации за изуродованный отрез я в конце концов получил такую бумажку:

Размышления у ворот

Долгие годы на территорию Ейского станкостроительного завода в Краснодарском крае вели обыкновенные ворота. Подъезжает машина — охранник их открывает. А когда надо — закрывает.

Но однажды забеспокоились инженеры, всполошилась дирекция: — Завод наш выпускает сложные станки. Продукция идет даже на экспорт. В цехах автоматика. А ворота открываем вручную, как при царе Горохе. Это не в духе времени!
И вот изобрели инженеры автоматические ворота. В духе времени. Знай на кнопки нажимай. Одну нажал — открылись. Другую нажал — закрылись.
Ворота установили. Конструкторам уплагили. Все прекрасно.

Есть, правда, одно маленькое «но»: не действует автоматика у новых ворот. Можно давить на кнопки сколько угодно, а ворота не двигаются. И теперь работники охраны, надрываясь и чертыхаясь, эти самые ворота в несколько тонн еле-еле раздвигают собственными руками. И с грустью вспоминают былые дни, когда их ручной труд еще не был автоматизирован.
Вл. ВОЛИН

РОД НЕДУГА

Приехал ко мне в гости из Казахстана, города Каратау, друг Котья Мотыкин. И меня поразило его поведение. Началось с того, что, переходя улицу, он почему-то опустился на четвереньки.

— Что с тобой? — спрашиваю. А он виновато поглядел на меня, поднялся и отвечает:
— Извини, брат. Привычка.
Никан не мог он отвыкнуть от этого атавизма! Как улицу переходить — падает на четвереньки, и все.

Промучился я с ним неделю, а потом говорю:
— Болен ты. Отведу-на я тебя к врачу. Может, отучит. Тут он испугался, даже побледнел:
— Ой, не надо отучать. Мне тогда в Каратау не сносить головы.

Стал я его расспрашивать и выяснил: живет Котья в Каратау за железнодорожными путями. На работу и с работы приходится добираться ему по-пластунски.

Потому что нет в Каратау переходного моста через железнодорожные пути.
Э. ПОЛЯНСКИЙ

Елена ЦУГУЛИЕВА

Рассказ

— Меня огорчает сын Аркадий,— пожаловалась мне сестра.

— А что случилось? Соображает на троих? Или повадился на ипподром, на всякие там дерби и конкур-иппик? Или просиживает до утра в кафе «Розовый заяц»? А может, он у тебя многоженец?

— Какой там розовый заяц и дерби! — говорит она, роняя крупные, как сортовой горох, слезы.— Ему же только семнадцать. Но он грубиян. Он груб, как крапивный мешок. Любой дореволюционный биндюжник перед ним — член палаты лордов. Ни слова не скажет без хамства.

Я сижу, слушаю и думаю. Очень хочется помочь сестре.

— А, кроме хамства, он еще чем-нибудь увлекается? Есть у него хобби? Марки, пластинки, этикетки с бутылок?

— Как не быть хобби! Модами увлечен до крайности. Куртку вот купил с жирафой на спине. Прямо убивается по всему модному.

— Ладно,— говорю,— попробую. Давай обедать да зови своего модника.

И вот в дверях появляется долго-вазый балбес.

— Ба! Тетка! — орет он с порога.— Притащилась, кочерыжка!

— Ах ты, орасина! — визжу я в ответ.— Здор-рово, дубина! Тысяча дьяволов, ну и вытянулся же ты!

Аркашка удивленно смотрит на меня и хмыкает:

— Во дает! Тетеха, у тебя слюварь — класс!

— Ах, ты, лопухая тварь,— нежно рычу я.— Приткнись к столу, жри и не мешай. Я твоей матери рассказываю, как ездила за границу, тысяча дьяволов и одна ведьма!

— А куда тебя носило, тетка? — спрашивает он с любопытством.

— В Затанайку. Куда же еще,— небрежно отвечаю я.

— Труха! Бред! Такой и страны нет.

— Много ты понимаешь, суслик. Недавно только образовалась в результате заговора военной хунты. Да-а... холера им в бок, ни за что не потащилась бы в эту дыру, если бы... А знаешь, откуда нынче к нам идет мода?

— Из Парижа! — делает попытку Аркашка.

— Фиги! Черта в ступе! Не-ет, брат, мода во все страны Европы поступает только из Тазанайки.

— Ты говорила — Затанайки,— поправляет Аркашка.

— Я и говорю. Оттуда. Там я научилась по-современному беседовать. Самая последняя мода — суровость выражений. Иначе засмеют за сюсюканье. Еще квакерами обзовут, клянусь кишками акулы! Ну, я — это понятно. А вот ты откуда моды набрался?

— А я разве модный? — застенчиво спросил Аркашка.

— Как?! Клянусь Вельзевулом! Тысяча Асмодеев и черная кошка! Судя по разговору, ты вполне современный чувачок.

— А на ихнем языке ты можешь ругаться? — уже совсем робко спрашивает племянник.

— Ого-го! — брякнула я.

— Теть... ну, ругнись. Ну, хоть разочек по-затанайски.

— Гм... Что бы это такое сказать? Да, вот. Харрагисар! Каркидума! А теперь заткнись и дай мне поесть...

После сладкого я заявила:

— Нажралась, как Мартын мыла или как дурак на поминках. Ну, бывайте, мне пора.

— Бывайте, тетя,— прошептал он, с восторгом глядя на меня.— Приходите еще.

— Клянусь хвостом сатаны! Приду ровно через неделю!

И я, хихикая, вышла.

Ровно через неделю я звонила в квартиру сестры.

Открывать дверь выбежал Аркашка с ревом:

— Тысяча рыжих дьяволов! Тетка явилась! Маханша, крой на стол и давай чавкать. Харракидума! Каргисар!

— Что с тобой, Аркадий? — холодно спросила я.— Что за дикие крики? Здоров ли ты? Ах, понимаю, ты еще живешь старым багажом.

Приглаживая у зеркала прическу, я говорила ему надменно и сурово:

— Надо шагать в ногу с модой. А ты отстал на целую неделю. И не знаешь, что из Гренманландии пришел новый стиль!

— А какой это стиль? — спросил Аркашка, порозовев от стыда.

— Общая линия — почтительность, корректность, вежливость, дендизм, снобизм, бабувизм...

Он обалдело смотрел на меня, разинув рот.

— У нас в редакции сейчас гостят двое оттуда,— втолковывала я,— носители современной моды. Не игровая яркая галантность галлов, а приглушенная, я бы сказала, неброская услужливость... Экскьюз ми, дарлинг, я, кажется, села на твой стул?

— Да что вы... что ты... — испуганно сказала сестра,— сидите... сиди себе, на каком желаешь. Я сейчас принесу щи.

— Нынче очень модно мыть руки перед обедом,— заявила я и отправилась к умывальнику.

Когда я выходила, следом туда же, явно стесняясь, юркнул Аркашка.

Пирог был отменный. Щи из свежих овощей благоухали на всю квартиру. Все ели с аппетитом.

— Нынче за столом уже не чавкают,— не обращая ни к кому, сообщила я.— А кавалеры следят за тем, чтобы у дам было все, что требуется... Салат очень вкусен, но чуточку недосолен.

— Тетя Леля, пожалуйста! — Аркашка преподнес мне солонку, держа ее изящно, как розу.— Прошу вас. Что вам еще угодно? Не хотите ли боржому? Мама, не желаете ли и вы соли? Может быть, сменить тарелки? Если угодно, я принесу жареную картошку. Подрезать еще чернышки... ах, ох, я хотел сказать, черного хлеба,— тархтел он, оглядывая стол.— Тетя Леля, а что сейчас модно из еды в этой самой... Индер...ландии?

— Сэндвичи с морковкой и вареная тыква,— равнодушно сказала я.— Еще яичница... гм... тушеная репа. Айва. Дыня. Вообще модны желтые тона. Хм... Прошу прощения. Аркадий, друг мой, еще одно замечание. А не слишком ли ярк твой галстук? Сейчас носят тихие, глухие колеры. О, у вас компот из алычи? Это тоже очень близко к моде...

Аркашка, выпив компот, хотел было выйти из-за стола, но, заметив мой холодно-недоумевающий взгляд, покраснел и снова уселся.

— Разрешите, я сегодня помою посуду, мама. Вы, я думаю, утомились. Кофе я вам подам через несколько минут. К счастью, имеется лимон. Он совершенно желтый.

Парень умчался на кухню, а я завела с сестрой светский разговор.

— Да. Полная перемена. Юноши уступают место женщинам и пожилым, даже когда их об этом не просят. Здороваются без криков и воплей, легким жестом прикасаясь к шляпе, или полупоклоном. Помогают инвалидам переходить улицу. И вообще...

Дверь на кухню тихонько приоткрылась. Видимо, Аркашка решил послушать, как должны вести себя современные молодые люди.

Прошло месяца четыре. И вот еду я однажды в метро. На одной станции входит немолодая женщина с авоськой. Тут с дальней скамьи встает юноша со словами:

— Прошу вас, садитесь.

— Мать честная! Это же Аркашка! Он услышал мой возглас, подошел и с улыбкой сказал:

— Тетечка Лелечка, как я рад вас видеть!

— Аркадий! — сказала я.— Ты ли это?

— А что? Почему не я? — спросил он.

Мы вышли вместе, потому что он обязательно пожелал донести мою тяжелую сумку до дома.

— Соблюдаешь ингар...ландскую моду? — снисходительно заметила я.

Он поднял брови:

— А что? Разве и она уже устаре-рела? — И хихикнул. Я догадалась, что он все понял.

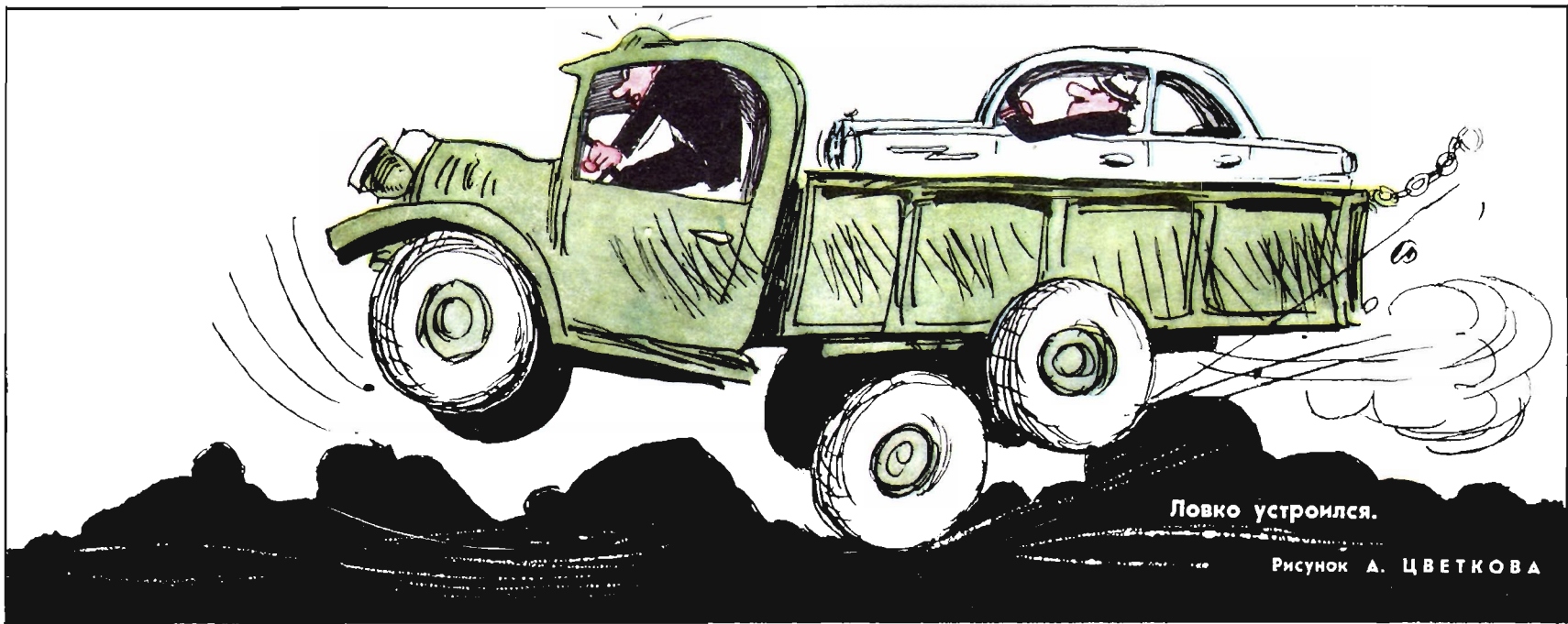
— Видите ли, тетя, мне не сразу пришлось в голову, что это розыгрыш. А потом вошел во вкус. Мне понравилось соблюдать дендизм и бабувизм.

Он явно смеялся надо мной. Но, увидев мое расстроенное лицо, сжался и заговорил уже другим тоном:

— Нет, кроме шуток. Приятно, когда тебя не обзывают грубияном, хамом или невежей. Приятно, когда тебя благодарят за какой-нибудь пустяк — ну, уступишь место, поможешь поднести вещи, укажешь дорогу. И мне просто расхотелось хамить. И захотелось доказать вам, что можно быть культурным человеком, интеллигентом, не оглядываясь на Затанайку и прочих скандинавов. Ведь можно же, а, тетечка Лёка?

Он нежно поцеловал меня в ухо и ушел.

— Тысяча дьяволов! Гром и молния! Каркидума! — прошептала я, растерянно глядя ему вслед.

Рисунки А. ЦВЕТКОВА

2 \$

НЬЮ-ЙОРК. Некий Чарлз Мей вычислил стоимость современного человека — ровно два доллара. Согласно Мейю, жира, полученного из одного человека, хватает на изготовление семи кусков мыла; из железа, содержащегося в его теле, можно получить средней величины гвоздь; сахара хватит лишь для выпечки полдюжины праздничных оладий; известью человека можно побелить маленький курятник; из фосфора получится 2 200 спичечных головок; серы едва хватит, чтобы избавить одну собаку от блох; с помощью калия, содержащегося в человеческом организме, можно выстрелить один раз из детской пушки. Если добавить сюда еще щепотку магния, то вся стоимость этого богатства и составит два доллара. Остается заметить, что ровно столько же стоит и книга мистера Мейя.

***

БОНН. Газета «Рейнишер мернур» усиленно рекламирует новое изобретение, назначение которого — контролировать труд священника, принимающего исповеди и отпущающего грехи. Речь идет о «весьма совершенном механическом устройстве по подсчету отпущенных грехов». Нажатием кнопки определяется число грешников, прошедших через исповедальню. Священник тоже человек, и если он сидит на сдельщине, не мешает его проверять...

***

ХЭРТФОРД (Англия). «В среду 11 декабря ровно в полдень наступит конец света. Те, кто хочет спасти свои души, должны явиться к этому дню и часу в нашу церковь и участвовать в последнем торжественном молебне человечества». Это объявление, подписанное главой религиозного общества, было опубликовано в хэртфордской газете.

Наступило 11 декабря, часы пробили полдень, а земной шар продолжал невозмутимо крутиться вокруг солнца. Церковники вышли из неловкого положения довольно остроумно: явившимся легковверным жертвам они заявили, что искренность их молитв дошла до господ бога, который отложил организацию глобального светопреобразования на 11 декабря 1969 года. А чтобы возблагодарить всевышнего за великодушно предоставленную передышку, религиозное общество предложило собравшимся внести посильные пожертвования. Богу богово, а жуликам жуликово!

***

СТАМБУЛ. Одна турецкая газета поместила следующее объявление: «Вдовец женится на достойной блондинке, светлой кожи, возраста около 30 лет».

В таком объявлении не было бы ничего удивительного, если бы не одно обстоятельство — жениху всего лишь 105 лет, и у него около полсотни детей, внуков и правнуков. Он овдовел в третий раз и подыскивает четвертую жену в возрасте своих правнуков... Трудная задача? Не сомните. У старичка есть прекрасная вилла и куча денег в банке.

Невесты набежали гуртом — объявилось сорос претенденток! Теперь уже понадобился адвокат, при помощи которого старец приступил к тщательному выбору супруги...

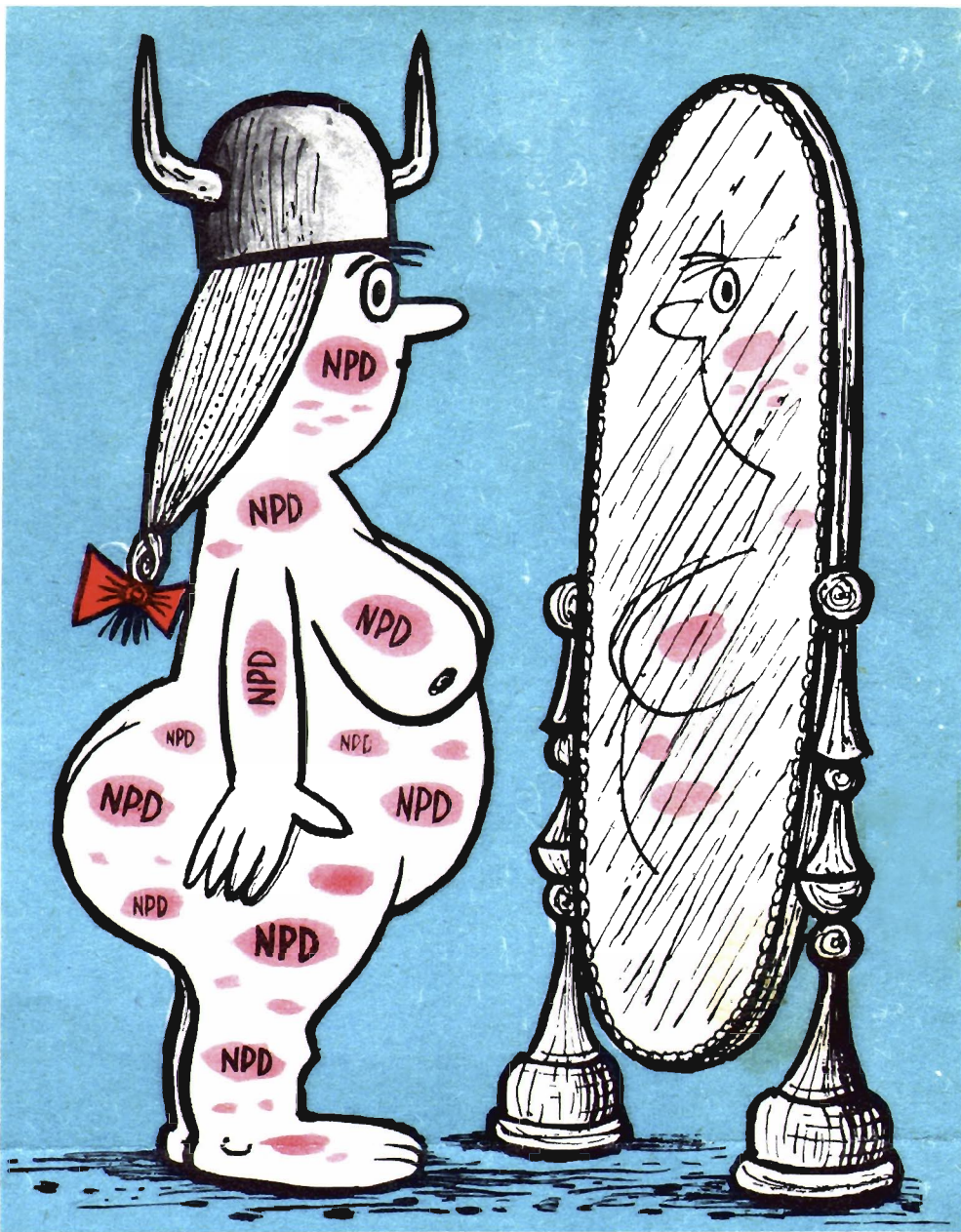

***

СИДНЕЙ. Двадцатитрехлетний сумасшедший Уоллес Меллиш унрал автомобиль и, спасаясь от преследования полиции, укрылся в заброшенном домике под Сиднеем. В его распоряжении был целый арсенал оружия, и он больше недели отказывался сдаться осаждавшим его полицейским. Тогда осаждавшие стали жарить яичницу с беконом, так что запах жареного проник в домик.

В конце концов Меллиш сдался. Кроме маяющих запахов, подействовало, вероятно, и то, что полиция обещала не передавать дело в суд, а направить Меллиша для лечения к психиатрам.

Теперь же начальник полиции Аллан заявил, что у Меллиша есть шанс отправиться добровольцем во Вьетнам. Очевидно, война во Вьетнаме настолько безумна, что ее вполне можно приравнять к пребыванию в психиатрической клинике.

— У меня повторяется довоенная экзема.

Рисунки Кароля БАРАНЕЦКОГО (Польша)

Греческая арфа.

Семен ГОРСКИЙ

Как издыхают утки

Парижская вечерняя газета «Франс-суар» обожает смаковать альковные секреты кинозвезд, скандальные похождения политиков средней руки, ну и, само собой разумеется, «тайны Кремля». Последнее блюдо считается особым деликатесом, и кулинары-виртуозы из «Франс-суар» подают его на страницы газеты с особой гордостью.

В конце прошлого года, например, «Франс-суар» торжественно заявила о «тревоге, охватившей Кремль». «Москва озабочена» — крикливо вещал газетный заголовок. Чем же была так «озабочена» Москва? Оказывается, «пять советских солдат дезертировали из Чехословакии» и очутились в Швеции. «Советские дезертиры», уточняет газета, попали в спасительную Швецию из Чехословакии несколько извилистым путем: «через Австрию, Швейцарию и Данию». Далее «Франс-суар» пишет:

«...ВСЯ ШВЕДСКАЯ ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ ПЯТЕРЫХ МУЖЧИН, КОТОРЫЕ СКРЫВАЮТСЯ ГДЕ-ТО В ЭТОЙ СТРАНЕ, НО НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ АРЕСТОВАТЬ ИХ, А ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ИХ. ЭТИМИ ЛЮДЬМИ ЯВЛЯЮТСЯ РУССКИЕ СОЛДАТЫ, ДЕЗЕРТИРОВАВШИЕ ИЗ СВОИХ ЧАСТЕЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ...»

Газета не поспешила на дальнейшие детали:

«У ВСЕХ СЕМЬИ В РОССИИ. ОДИН ИЗ ЭТИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НЕМНОГО ГОВОРИТ-ПО-АНГЛИЙСКИ, ДВОЕ — ПО-НЕМЕЦКИ».

Так росла и мужала новорожденная утка, училась летать, пока, наконец, не спорхнула со страниц «Франс-суар» и отправилась в другие падкие до сенсаций западные газеты, разрезая крыльями эфир. Наконец она закричала в передачах Би-би-си и «Голоса Америки».

А «Франс-суар» продолжала сдергивать завету с тайны «пяти дезертиров»:

«ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО НАХОДЯТСЯ ДЕЗЕРТИРЫ, ГОСПОДИН АЛМАБОРГ, СООБЩИЛ, ЧТО СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ УЖЕ СЕГОДНЯ ЛИЧНО ЯВЛЯТСЯ В ПОЛИЦИЮ».

Но они почему-то так и не явились. Правда, господин Алмаборг сообщал, что его дезертиры составляют «лишь половину группы из

десяти человек, бежавших из Чехословакии». Но он почему-то «не смог уточнить», где находится вторая пятерка. Мало того, он даже потерял следы первой, так и не явившейся в полицию.

Что же касается полиции, то «Франс-суар» заверяла:

«КОМИССАР ШВЕДСКОЙ ПОЛИЦИИ КУРТ ДОМАНДЕР СООБЩИЛ РЕДАКЦИИ «ЭКСПРЕССЕН» (шведская газета.— С. Г.): «ИМ НЕ ГРОЗИТ НИКАКАЯ ВЫСЫЛКА ИЗ НАШЕЙ СТРАНЫ. ЕСЛИ ОНИ ХОТЯТ, ОНИ МОГУТ ПРОСИТЬ О ПОЛИТИЧЕСКОМ УБЕЖИЩЕ».

Но «они» то ли не хотели этого, то ли сквозь землю провалились, хотя «Франс-суар» утверждала, что «как будто комиссар разговаривал с ними по телефону, и они назвали свои имена». Само собою разумеется, что «Франс-суар» имен этих не привела, очевидно, из гуманнейшего опасения навлечь неприятности на семьи «дезертиров».

Надо сказать, что отнюдь не все западные газеты оказались падкими на утятину. Многие, и в том числе французская «Монд», писали, что вся «драматическая» история с «советскими дезертирами» высосана из пальца. Правда, газеты эти признавали, что в Швеции действительно скрываются дезертиры и даже не пять, а ПЯТЬСОТ, но не советских, а АМЕРИКАНСКИХ, бежавших из частей, расположенных во Вьетнаме и в Западной Германии.

Читателя, конечно, интересует, как же выкручивалась «Франс-суар». В газете появляется скромненькая заметка:

«ТАИНСВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ ДЕЗЕРТИРОВ СООБЩИЛ: Я СТАЛ ЖЕРТВОЙ НАДУВАТЕЛЬСТВА».

Этой «жертвой» оказался вышеупомянутый «господин Алмаборг, двадцатилетний студент, шатен, с глазами мечтателя». Мечтатель, как известно, должен мечтать. Так, может быть, «пятерка советских дезертиров» и явилась плодом его грез и мечтаний? Но тогда при чем тут «надувательство»?

«Франс-суар» якобы со слов самого шатена-мечтателя сообщила, что все произошло так:

«ОДИН ПРИЯТЕЛЬ, ИМЕНИ КОТОРОГО Я НЕ МОГУ НАЗВАТЬ, ПРИШЕЛ КО МНЕ И ПРОСИЛ ПОМОЧЬ ПЯТЕРКЕ СОВЕТСКИХ ДЕЗЕРТИРОВ. Я ОБРАТИЛСЯ ТОГДА В ПОЛИЦИЮ С ПРОСЬБОЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИМ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА, А ПОТОМ ПОЗВОНИЛ В РЕДАКЦИЮ, НО Я ПОНЯЛ, ЧТО ЭТО БЫЛ ТОЛЬКО РОЗЫГРЫШ».

Допустим. Но как же обстояло дело с полицейским комиссаром господином Домандером, который, по сообщению газеты, разговаривал с дезертирами по телефону? Был ли такой комиссар и такой разговор? Комиссар был и есть. Разговора же в отличие от комиссара не было. «Франс-суар» опубликовала такое заявление Домандера:

«ГОСПОДИН АЛМАБОРГ БЫЛ ОБМАНУТ. ЧТО КАСАЕТСЯ МОЕГО СООБЩЕНИЯ, ТО ОНО БЫЛО ИСКАЖЕНО. ЭТО БЫЛА ПРОСТО УТКА».

Утка, добавим, протухшая еще до рождения. Впрочем, говорят, среди западных гурманов есть и такие, что умеют ценить легкий душок...

Андрей ВНУКОВ

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

В китайском языке идет замена: Меняются и стиль, и слог, и звук, Но в каждый иероглиф непременно Вплетается созвучие трех букв:

Сменили диамат на «диаммао», Истмат переименовали на «истмао», Марксизм переименован в «марксизмао»,— Короче, там крепчает маразмао...

В развитие великой программао Устроили культурный пограмао:

Жечь книги — вот программа-миниммао, Сечь авторов — программа-максиммао!

С цитатами и роды принимао, С цитатами и всходы поднимао, Цитатами набиты все томао, Но ими не наполнишь закромао!

А тот, кого, как солище, поднимао, Кто светочем себя восприниммао, От здравого ума далеку весьмао,— И это бы неплохо понимать!

РЕЦЕНЗИЯ

Мне о балете отзыв дан,
Что музыка была
не райской
И что премьера
«не фонтан»,
Точнее —
не Бахчисарайский.

ПОЛИГЛОТ

Языки он знает.
И недурно.
Их число равно,
представьте, трем:
Административный,
Нецензурный,
Ну, и свой родной.
Со словарем.

В. НОВЛЯНКИН

ПЕНЬ-МЕМУАРИСТ

Забыв покой, презрев
досуг и лень,
Он пишет мемуары
целый день,
Чтоб рассказать
в подробностях
потомкам,
Кто спотыкался о него
в потемках.

ФЛЮГЕР

Он отрицал,
что главное на свете
Узнать, ОТКУДА
ДУЕТ ВЕТЕР.
Ломал писатель голову
всегда
Над тем, чтоб выяснить:
КУДА?

СТИХИ О МОЕМ РЕБУСЕ

Ты сказала мне:
Ну...
(Как язык сочен!)
Полетим на Луну
Или
в Сочи...
Ухвачусь я за хвост
ТУ
иль АН-10.
И домчимся до звезд,
Как троллейбус.
Но сказала ты:
Но
Мы — не Икары.

«...если ты — провода,
я — троллейбус!»

Роберт Рождественский

Поселились мы в номер
Шикарный.
Стал я кушать инжир.
Он
питателен.
Стал писать я
за жизнь,
Но читатели
Заявили мне:
— Да,—
Не колеблясь,—
Если это стихи,
что тогда
Ребус?

Я ПОДРАЖАЛ БЫ...

«...Меня пугают
подражателем».

Игорь Волгин

Весьма продуманно и планоно,
С волнением
в трепетной душе,
Я подражаю и Ошанину,
Шекспиру,
Тряпкину,
Державину,
И Беранже,
и Евтуше...
О классики!
Язык как чешется!
Мои набег
так лихи!
Я подражал бы
даже Чехову,
Умей старик писать стихи.
г. Харьков.

— Затоварились, вот и пришлось на этом участке построить подвесную дорогу.

Рисунок
Е. ВЕДЕРНИКОВА

Н. ФЕДЮРКО

МИКРО-РАС-СКАЗЫ

БОЖЕСКАЯ НАГРУЗКА

— Будешь трудиться в поте лица своего! — сказал бог и создал попа. И стал поп править службу каждый божий день.

— Будешь трудиться только по большим праздникам! — сказал бог и создал лектора-атеиста.

И стал атеист читать лекции каждую пасху и каждое рождество.

БОГ СПРАВЕДЛИВ

Прочитав афишу, в которой объявлялось о лекции на антирелигиозную тему, бог решил строго покарать лектора.

Но, прослушав лекцию, махнул рукой и сказал: — Бог с ним! Не буду карать: не за что!

г. Ленинград.

Двое заключенных встречаются ежедневно на прогулке в тюремном дворе. Один осужден за увод коровы, другой — за кражу наручных часов. Оба ненавидят друг друга.

Один спрашивает другого ехидно:

— Который час на ваших часах?

Второй отвечает:

— Да, уже пора доить вашу корову...

Молодой человек решил учиться на врача-терапевта. Узнав об этом, отец выругал его:

— Чудак, учись лучше на стоматолога! У человека одно сердце, а зубов...

В Техасе.

— Папочка, я думаю, что Джек хочет на мне жениться.

— Почему ты так думаешь?

— Вчера он застрелил свою жену.

— Мари, ты видела сегодняшние газеты? Твой Джон сбил велосипедиста и скрылся с места преступления. Посмотри, в вечерней газете напечатана его фотография!

— Ужасно... В жизни он гораздо красивее!

Она: Милый Руди, мне кажется, что заяц — очень глупое животное, не так ли?

Он: Совершенно верно, мой зайчонок...

— Слажи, Джим, тебе приходилось когда-нибудь выступать перед большой аудиторией?

— Как же, приходилось.

— Ну и что ты говорил?

— Я сказал: виновен, но заслуживаю снисхождения.

Встречаются два писателя.

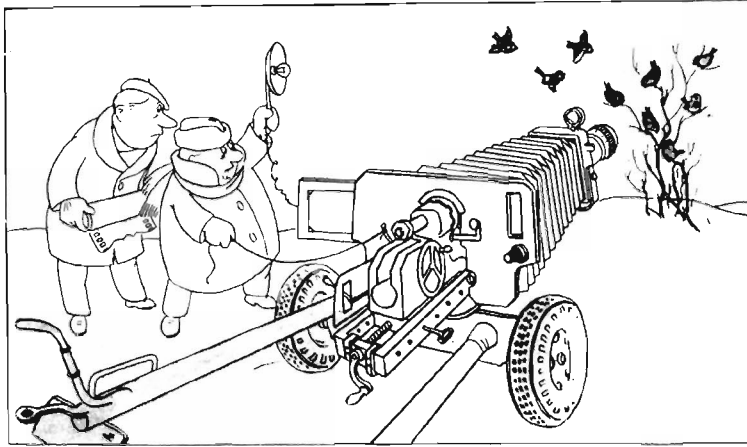
— Как обстоит дело с сатирическим романом, который ты послал в журнал?

— Представь себе, редакция зверски его сократила и поместила в разделе «Просто анекдот».

Жена вернулась с работы, села на диван, поджав ноги, и, глядя, как муж моет полы, сказала:

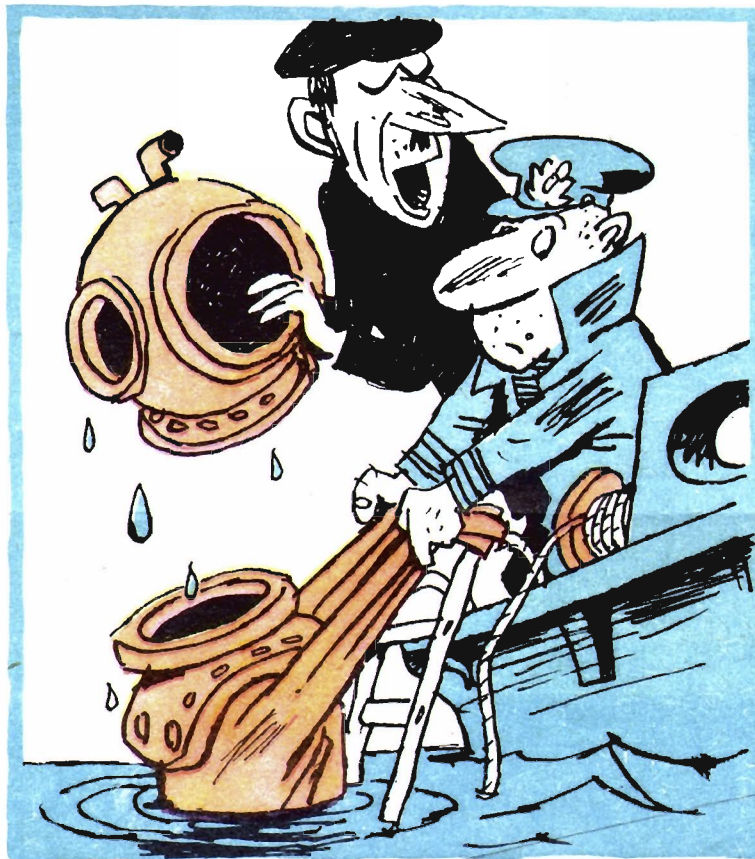
— Ты знаешь, милый, директор снова сказал, что ради меня он готов бросить семью. Но он, конечно, шутит.

— А может, нет? — с надеждой в голосе ответил муж.

— Я же говорил, что лучше взять фоторужье!

Рисунок В. САФОНОВА

— Опять у него прогул в рабочее время!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

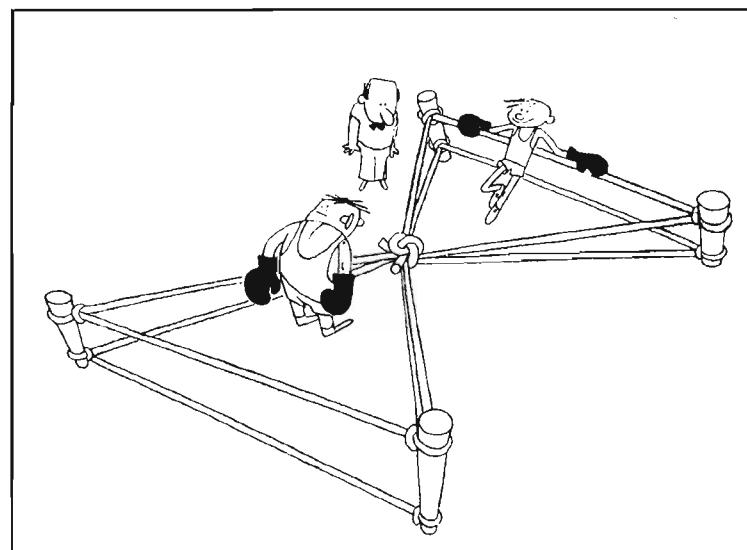

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

О ВНИМАТЕЛЬНОСТИ

Проблема пользования электроэнергией давно волновала жителей деревни Красное, Архангельской области. Дело в том, что зимой по льду навелась временная электросеть, а летом, понятно, такая возможность отпадала.

Эту ненормальную ситуацию изобразил художник Ю. Черепанов, озглавив рисунок: «Внимательный ли вы человек?» («Крокодил» № 26, 1968 г.)

Работники Приморского райисполкома оказались людьми внимательными. Быстро отреагировав на критику, они установили в Красном дизельную электростанцию.

ОТНЫНЕ — СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

Приезжающих на отдых под Туапсе в санаторий имени 1 Мая встречают красочные щиты, призывающие наслаждаться солнцем, воздухом и водой. На самом же деле спортплощадка запущена, пляж разгромлен, под окнами стоят туалеты, тут же протекают два канализационных ручья, впадающие в море. Обо всем этом рассказывалось в фельетоне «Когда цветет магнолия» («Крокодил» № 26, 1968 г.)

Как сообщил Краснодарский совет по управлению курортами профсоюзов, в санатории имени 1 Мая восстановлен пляж, капитально отремонтированы спальные корпуса, столовая, водопровод, канализация и энергоснабжение. Заасфальтированы подъезды и подходы к санаторию. Проведен текущий ремонт спортплощадки и расчищены ручьи. Ливнидируются дворовые выгребные ямы.

«ПРИРОДА И ЛЮДИ»

В Горячих Ключах (Краснодарский край) все располагает к отдыху. Но директора мебельной фабрики С. Г. Депопяна ландшафты не интересуют. Он считает, что здесь самое подходящее место для сжигания древесных отходов фабрики. Об этом и рассказывалось в заметке «Природа и люди» («Крокодил» № 28, 1968 г.)

Как сообщил секретарь парторганизации краснодарской мебельной фирмы «Кубань» В. Власенко, заметна обскудалась на партбюро. Критика признана правильной. Директору фабрики С. Г. Депопяну указано. Все древесные отходы теперь вывозятся только на городскую свалку.

«БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ»

Под таким заголовком в № 27 за прошлый год в «Крокодиле» был напечатан фельетон о том, что в Джартассском водохранилище (Казахская ССР) погибло множество рыбы; начальствующие лица из Нуринского управления оросительных систем спустили воду из этого водохранилища. Браноньеры, конечно, были довольны...

Как нам сообщили начальник Казахрыбвода К. Куленов и заместитель прокурора Казахской ССР К. Бегалиев, виновные наказаны. Начальник Нуринского управления оросительных систем Н. Ересьюк, начальник Карагандинского облуправления мелиорации и водного хозяйства Т. Курбанбаев и главный инженер того же управления И. Латухин оштрафованы на сто рублей каждый. Начальник отдела эксплуатации управления оросительных систем Мурзинов и участковый инженер Джартассского водохранилища Сосновский уплатили по 50 рублей штрафа.

Работник УВД Карагандинской области Мосейчун уволен с работы и осужден на один год исправительных работ. Милиционеры Жужиков, Веднягин и Сидоренко получили административные взыскания.

Таковы некоторые последствия фельетона «Без последствий».

по тому же поводу...

ДВУХЭТАЖНАЯ ЗАГАДКА

Тринадцать лет назад горсовет г. Макеевки, Донецкой области, поставил перед жителями двухэтажную загадку. Сообщение об этой загадке было опубликовано в № 28 «Крокодила» за 1965 год. Была даже помещена фотография с изображением руин недостроенного здания. Заметка так и называлась: «Двухэтажная загадка».

Что это за руины, зачем было начато строительство и будет ли завершено когда-нибудь, макеевцы не разгадали по сей день.

Как и 13 лет назад, их терзают сомнения и робкие надежды: вдруг недостроенное здание окажется долгожданным Домом культуры или кинотеатром?

«Счастливых матерей и отца, работников слюдокомбината Жанну Губареву, Лизу Бокову, Зину Галкину и слесаря-инструментальщика Виктора Даньшина поздравляли с новорожденными сыновьями и дочерьми передовые работницы и друзья».

(«Балашовская правда».)

«Справка

Дана исполкомом гр-ну Панышину И. Д. в том, что он работать не работает, находится на иждивении жены Панышиной В. Ф. Справка дана для представления по месту работы».

Списал Н. КУДИНОВ.
г. Домодедово.

ДОМ ОТДЫХА — ЭТО НАША ВТОРАЯ СЕМЬЯ!

Фото Ф. НЕВЛЕВА.

г. Кобулеты.
Дом отдыха «Буревестник».

При стирке порошком «ЭРА» не следует применять мыло, воду и другие моющие средства.

(Из инструкции.)

Прислала З. САМОЙЛЕНКО.
Краснодарский край.

«— Ежели промазал — опять же не торопись. Второй-то ствол на что? Бей вслед промеж крыльев! Гарантия — утка твоя. Я всегда крякву стреляю именно так! — подытожил Митрич и бережно погладил свою ржавую одностволку».

(Газета «Молодой ленинец».)

г. Курган.

«Следовательно, леспромхоз имеет право получить 6,29 рубля на кубометр зарплат».

(Газета «Правда Севера».)

г. Архангельск.

«Кинемеханик Татаринцев Александр 30 апреля 1968 года прицепил на воротах своей бывшей тещи Поповой Валентины Ильиничны рекламу «Простите, Вас ожидает смерть». Попова В. И. написала заявление до райотдела милиции, откуда оно было переслано мне «для принятия мер». Так как Татаринцев не хочет понять разъяснения председателя месткома о том, что кинемеханики должны обеспечивать всем старикам спокойную старость,

Приказываю:

1. Татаринцеву Александру извиниться перед Поповой В. И.
2. Поповой Валентине Ильиничне доложить про извинение».

(Из приказа.)

Прислал П. ИЛЬНИЦКИЙ.

г. Киев.

«Имеется продажная шкура. Улица Восточная, 28».

Прислала Ю. ШЕВЦОВА.

г. Чугуев.

«Сегодня в холле гостиницы состоится лекция на аморальные темы. Читает милиция».

Списал В. ШЕЛУДЬКО.

г. Киев.

«Судебная практика показывает, что примерно 80 процентов подростков, которые совершили хулиганство в нетрезвом состоянии, перед этим употребляли спиртное».

(Газета «Под знаменем Ленина».)
Крымская область.

«Недостатки должны быть в следующих спектаклях отшлифованы».

Многотиражная газета
«За советскую науку».

Томский университет.

«Вчера вы получили последний номер «Новомосковской правды» за минувший год; сегодня — первый номер года грядущего.

Много воды утекло и не один пуд соли съеден за 366 дней третьего года пятилетки».

(Газета

«Новомосковская правда».)
Тульская область.

«Оркестр состоит из шести инструментов: саксофон, электрогитара, аккордеон, контрабас, ударные и солист».

(Газета «За коммунизм».)

г. Мытищи.

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, П. Гейвандов, А. Грунин, Е. Мигунов, Л. Самойлов, В. Сафонов, А. Скотаренко, Н. Станиславский, И. Сычев, В. Тильман, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор —
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ

[зам. главного редактора]

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
[ответственный секретарь]

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00013.
Подписано к печати
20/1 1969 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 100 000 экз.
(1 завод: 1—4 339 350).
Изд. № 164.
Заказ № 218.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

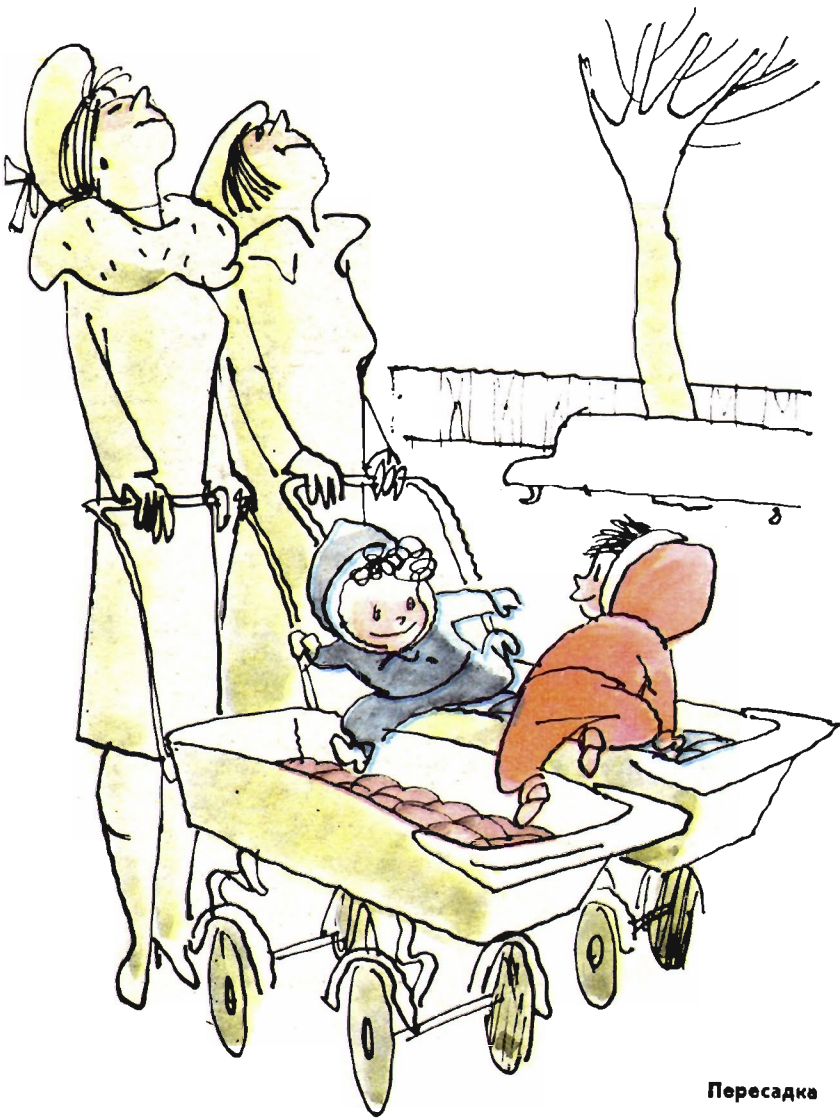
3 ВЕЗДНЫЙ ЯНВАРЬ

МОДЫ СЕЗОНА

Выходной костюм
(отечественная модель)

Рисунок
Ю. ФЕДОРОВА

Пересадка

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Кто стучится в дверь ко мне?

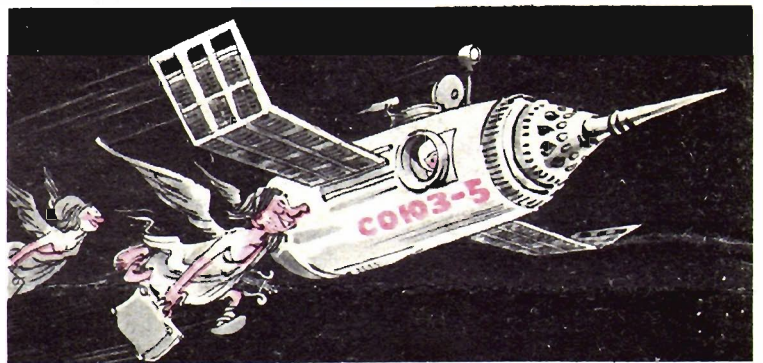
(Стихотворная запись рассказа
космонавта В. А. ШАТАЛОВА)

— Было все примерно так,
Как описывал Маршан!..
Почтальона
Через сутки
Я увидел в вышине —
В гермошлеме,
С толстой сумкой
На космическом ремне.
Постучавшись в дверь ракеты,
Улыбнулся он светло
И центральные газеты
Дал ЗА ЭТО ЖЕ число!
Получайте, дескать, точно
В срок
На звездном корабле
Все, на что вас наша почта
Подписала на Земле...

И впервые —
В носомлете, —
Пробежав столбцы газет,
О своем прочел я взлете
И увидел свой портрет!

Я прошу учесть:
Без шутки
Трудно здесь прожить и сутки.
И хочу, чтоб «Крокодил»
Так же в космос приходил
В толстой сумке почтальона
На немислимый этаж,
Повышая неуклонно
Свой космический тираж!

Михаил ВЛАДИМОВ

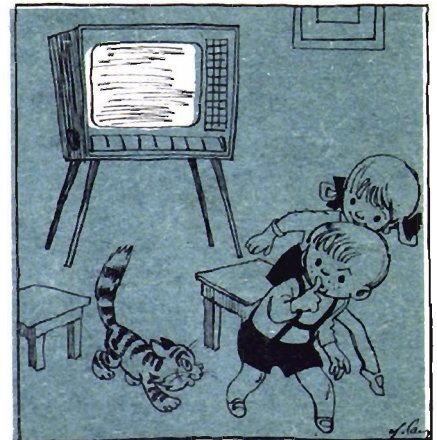

— Подвезите! Говорят, у
вас парочка мест освободилась!

Рисунок
Е. МИГУНОВА

— Тс-с! Космонавты от-
дыхают!

Рисунок
Л. САМОЙЛОВА

— Человек за бортом! Ура!

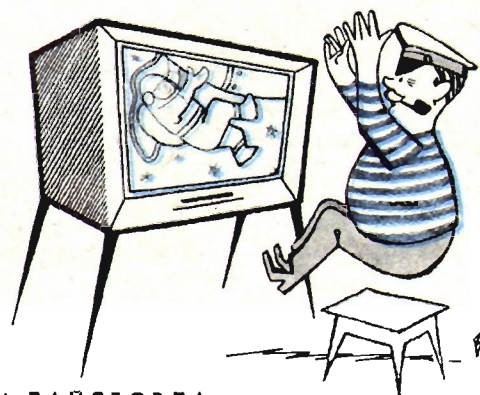

Рисунок М. ВАЙСБОРДА